

Знание как специфическая форма субъективного отражения объективной действительности

П. А. Романов

кандидат философских наук, доцент, Марийский государственный университет.
Россия, г. Йошкар-Ола. ORCID: 0000-0002-1189-9686. E-mail: pavel.rmnv@gmail.com

Аннотация. Вряд ли есть необходимость объяснять ценность знания, тем более ценность научного знания, для современной духовной и материальной культуры человеческого общества. От эпохи «Осевого времени» и до дня сегодняшнего данная проблема обнаруживает различные варианты вначале философского, а впоследствии и философско-научного объяснения. Актуализации проблемы знания способствовали не всегда удачные попытки выделения его видов и построения различных его классификаций.

Цель данной статьи состоит в попытке объяснения подлинной природы знания.

Предметом исследования является феномен знания, осмысленный в контексте духовно-практического освоения человеком объективной действительности.

Основное внимание в работе автор уделяет следующим концептуальным моментам: 1. С точки зрения автора, некоторые варианты современного понимания знания являются недопустимо ошибочными. По его мнению, не существует знаний паранаучных, лженаучных, антинаучных, иррациональных. 2. Абсолютно любое знание рационально уже потому, что единственной логической формой, в которой существует содержание знания, является суждение. Если же речь идет о научной рациональности, то последняя характеризуется еще и таким ее важнейшим элементом, как системность, а также соответствием научно-познавательной деятельности общепринятым нормам, образцам, идеалам, принципам и методам данной деятельности, обеспечивающим научному знанию объективную истинность. 3. Помимо рациональности, всякое знание характеризуется истинностью, достоверностью, темпоральной границей, а научное знание – еще и эссенциальной направленностью. 4. Важнейшей характеристикой развивающегося знания, объединяющей его со всеми остальными формами субъективного отражения объективной действительности, является метидалность, под которой автор понимает характеристику знания, находящегося в неразрывном диалектическом единстве с верой, мнением, убеждением, оценкой и другими формами субъективного отражения объективной действительности.

Полученные результаты проведенного исследования могут быть использованы в процессе преподавания курсов философии и философии и методологии науки.

Ключевые слова: знание, вера, истина, достоверность, рациональность, метида, метидалность.

Величайший враг прогресса – иллюзия знания.

Джон Янг

Что такое знание? Сама постановка данного вопроса на первый взгляд может показаться нелепой и ассоциироваться с известной попыткой «ломиться в открытую дверь». Хрестоматийное понимание знания как результата процесса познания и адекватного отражения действительности в сознании человека [26, с. 192], казалось бы, не нуждается в дальнейших комментариях.

Однако иллюзия «законченного» понимания этой проблемы немедленно и бесповоротно исчезает уже при ее самом поверхностном рассмотрении, особенно при знакомстве с современной учебной литературой.

Так, в справочнике по обществознанию, предназначенном для подготовки к ЕГЭ, можно прочесть, что наряду с житейскими, практическими, научными знаниями существуют знания художественные, иррациональные, паранаучные, лженаучные, антинаучные [4, с. 24–25]. Такое понимание знания представляется нам недопустимо ошибочным и, на наш взгляд, обусловлено непониманием не только специфики знания как особой формы субъективного отражения объективной действительности, но и специфики гносеологического отношения к этой действительности.

Общеизвестно, что одним из важнейших оснований теории познания является философия Платона и его ученика Аристотеля. Характеризуя знание, Платон указывал не просто на

его неразрывную связь с истиной [18, с. 486], но и на его связь с суждениями о причинах [18, с. 609]. Именно в этой связи он усматривает принципиальное отличие знания от мнения. Последнее, кстати, может стать тождественным знанию, будучи связанным с суждениями о причинах. В этом случае мнение оказывается истинным, а значит, по сути, превращается в знание. «Ну разве неверно, – пишет Платон, – что истинное мнение, если им руководствоваться, выполняя любое дело, может быть ничем не хуже знания?» [18, с. 610].

С причинностью связывает знание и Аристотель [1, с. 66]. «Знать, – пишет он, – значит знать через причину» [2, с. 270]. Для него основополагающее знание есть знание первопричин [1, с. 70]. Это знание Аристотель называет непосредственным и поэтому недоказуемым [2, с. 262]. Любое другое знание, выводимое из непосредственного, дается нам через доказательство. «...Знание, – пишет Аристотель, – имеется, а именно, что имеется знание только через доказательство» [2, с. 262]. «...Знание распространяется на то, что познаваемо при помощи доказательства и рассуждения» [3, с. 333].

Подобно Платону, Аристотель не только связывает знание с истиной, но и подчеркивает его рациональность, ибо последнее неразрывно связано с разумностью, умом и мудростью. «В качестве проявления истины, – пишет он, – существуют знание, разумность, ум, мудрость» [3, с. 333].

О «правильном» (т. е. истинном. – П. Р.) говорил Эпикур [12, с. 433]. С истиной связывал знание и выдающийся представитель античного скептицизма Секст Эмпирик. С его точки зрения, «истина... оказывается знанием обо всем истинном» [24, с. 67].

Таким образом, к важнейшим характеристикам знания, отмеченным в античной философской традиции, следует отнести его *истинность, доказательность, связь с познанием причин, рациональность*. На данные характеристики знания впоследствии указывали многие выдающиеся представители философской мысли.

С истиной связывает знание Николай Кузанский. «Я понимаю под знанием, – пишет он, – обладание истиной. Кто говорит, что знает, говорит, что обладает истиной» [17, с. 283]. Ф. Бэкон особо подчеркивал неразрывную связь знания с познанием причин. «Истинное знание, – отмечает он, – есть знание причин» [7, с. 80]. Аналогичной точки зрения на природу знания придерживался и Д. Локк. «Лишь в той мере, – говорит он, – в какой мы сами рассматриваем и постигаем истину и причины, мы обладаем и действительным, и истинным знанием» [16, с. 151].

На такие важнейшие характеристики знания, как истинность и доказательность, указывал Р. Декарт [11, с. 607].

Важнейшей вехой в развитии наших представлений о знании явилась философия Г. В. Лейбница, который открыл четвертый закон формальной логики – закон достаточного основания: «...ничто не должно утверждаться без основания» [14, с. 124]. Если истина открывается нам либо через ее обоснование, либо непосредственно в акте интуиции, то и знание в качестве ее носителя должно быть либо доказанным, обоснованным, либо аксиоматичным, то есть не нуждающимся в доказательстве. Последний вариант знания Г. В. Лейбниц называет «совершенным». «Самое совершенное знание, – пишет он, – то, которое в одно и то же время адекватно [т. е. истинно. – П. Р.] и интуитивно [т. е. аксиоматично. – П. Р.]» [14, с. 101].

На такие важнейшие характеристики знания, как точность, ясность, очевидность, указывал выдающийся представитель французского материализма XVIII в. Ж. О. Ламетри [13, с. 103], а его современник, субъективный идеалист Дж. Беркли, говорил о необходимости роста «истинного и здравого знания» [6, с. 168].

Сложившуюся традицию понимания знания мы обнаруживаем в философском наследии Г. В. Ф. Гегеля. Объясняя природу последнего, он выделяет знание непосредственное, по своей сути тождественное вере [9, с. 175]. Непосредственное знание у Г. В. Ф. Гегеля – это знание опытное, связанное с фактами [9, с. 191]. Это «непосредственная чувственная уверенность... непосредственная форма подобной уверенности есть вера» [8, с. 294].

Однако уверенность вовсе не тождественна истине. «Уверенности, – говорит Г. В. Ф. Гегель, – противопоставляется истина: то, что мы в чем-то уверены, еще не доказывает того, что это нечто истинно» [8, с. 294]. То есть непосредственное, тождественное вере знание оказывается у него, если можно так выразиться, «не совсем знанием», а точнее, предпосылкой знания. Подлинное знание, знание как носитель истины, – это знание опосредованное. «Однако знание, – пишет он, – обычно понимают как знание опосредованное, как познание» [8, с. 294]. Опосредованное знание Г. В. Ф. Гегель связывает с доказательством. «Доказанность, – пишет он, – называют объективным знанием, познанием» [8, с. 295].

Непосредственное и опосредованное знание у Г. В. Ф. Гегеля диалектически взаимосвязаны в том смысле, что непосредственное знание предполагает наличие опосредованного, и наоборот [9, с. 192]. Именно через диалектическое единство непосредственного и опосредованного знания достигается истина. «Истина, – пишет он, – есть их единство, непосредственное знание, которое есть вместе с тем и опосредованное, которое есть вместе с тем простое знание в себе, непосредственное отношение с самим собой» [8, с. 250]. В конечном итоге Г. В. Ф. Гегель определяет знание как «тождество сознания с предметом» [10, с. 228]. Такое понимание знания означает его совершенную неотделимость от истины, ибо «истина в ее подлинном значении есть *совпадение предмета со своим понятием*» [8, с. 312].

Заметный вклад в понимание феномена знания внес Ф. В. Й. Шеллинг. Как и его предшественники, он связывает знание с истиной [28, с. 377]. Признавая, что «все наше знание состоит из эмпирических основоположений» [27, с. 188], он в то же время отмечает, что подлинное знание, «знание в самом строгом смысле слова, есть чистое, априорное знание» [27, с. 186]. Это чистое априорное знание, то есть знание как нечто качественно определенное, должно иметь одну особенность. И эта особенность заключается в диалектическом единстве содержания знания и его логической формы. Знания, по мнению Ф. В. Й. Шеллинга, если «предполагают логическую форму, то должны быть таковыми, чтобы в них то и другое, форма и содержание, взаимно обуславливали и предполагали друг друга» [27, с. 250]. Данная идея Ф. В. Й. Шеллинга является, на наш взгляд, одной из ключевых идей, позволяющих объяснить специфику знания как особой формы субъективного отражения объективной действительности.

Попытаемся теперь сформулировать наше собственное понимание этой специфики. Прежде всего отметим, что знание не является результатом «чисто» гносеологического отношения субъекта познания (человека и человечества) к объективной действительности, ибо само это отношение есть органическая часть процесса духовно-практического освоения этой действительности. Познание не тождественно освоению. Познать означает прежде всего приспособиться к действительности через объяснение и понимание ее причинно-следственных связей, ее объективных законов, тенденций ее изменения и развития. Так, например, для того чтобы выйти в космос на круговую орбиту Земли, необходимо создать аппарат, способный развить первую космическую скорость 7,91 км/с, а чтобы покинуть пределы Солнечной системы, необходим аппарат, развивающий скорость 16,6 км/с. Данные знания стали одной из основ, позволивших приступить к практическому освоению космического пространства. Освоить действительность еще не значит приспособиться к ней. Освоить может означать попытку приспособить действительность к себе через вымысел, фантазию, безосновательные волюнтаристские устремления и поступки, через произведения искусства, в которых художники, писатели, поэты, режиссеры объективируют свои внутренние духовные миры, порой совершенно отличающиеся от реально существующего мира. Освоение действительности происходит через разнообразные мифы, в том числе и политические, через многочисленные религиозные учения, через эзотерические практики, наконец. Так, любителям «астральных путешествий» не нужны космические корабли. Для этого достаточно овладеть, допустим, шаманскими практиками или техникой медитации. Имеют ли эти «путешествия» и практики какое-то отношение к реальному познанию мира – вопрос риторический.

Иными словами, познание мира, с одной стороны, органично его освоению, но с другой стороны, может вступать с ним в диалектическое противоречие. Это противоречие определяется, на наш взгляд, ценностными ориентирами, характерными для собственно познавательной деятельности, и видами деятельности, не связанными напрямую с познанием, например, мифотворческой, религиозной, идеологической и т. д. Если ценностным ориентиром познавательной деятельности является истина, то ценностными ориентирами иных видов духовной деятельности могут быть добро, милосердие, справедливость и т. д.

Несмотря на то, что духовные ценности комплиментарны, то есть органично дополняют друг друга, специфика познавательной деятельности и собственно знания определяются прежде всего истиной, то есть ценностью любого знания заключается в его истинности.

Истина, как известно, является объективной, а знание, будучи результатом познавательной деятельности человека, несет на себе его «печать» как субъекта данной деятельности, по этой причине не может быть «чисто» объективным, но всегда в той или иной степени субъективно. Субъективность любых наших знаний, в том числе и научных, проявляется прежде всего в том, что истина дана человеку в форме достоверности.

Достоверность и истина не одно и то же. Достоверность – это характеристика суждений знания в качестве суждений, истинность которых обоснована, доказана эмпирически, логиче-

ски в процессе общественно-производственной и общественно-исторической практики, и еще Г. В. Лейбниц называл ее «ясностью истины» [14, с. 65]. Важнейшая составляющая достоверности как характеристики знаний – это их фактическая обоснованность, и в этом смысле нельзя не согласиться с А. Н. Уайтхедом, который отмечал, что «если все, что мы знаем, – это наблюдаемый факт, то никакого другого знания нет» [25, с. 524]. Надо ли объяснять, что истина объективная, как истина «в-себе-и-для-себя», не нуждается ни в каком обосновании, ни в каком доказательстве, ни в какой достоверности? Так, суждение «На Марсе существовала жизнь» вполне может оказаться истинным, но на сегодняшний день не может быть признано достоверным, так как не существует достаточных доказательств для такого признания. Следовательно, данное суждение не может оцениваться нами в качестве суждения знания, но может оцениваться как суждение мнения или суждение веры.

Таким образом, *достоверность* – это первая и важнейшая характеристика знания, ибо «истина в-себе-и-для-себя» в любом знании является нам через доказательство или обоснование. Эта особенность знания относится даже к аксиоматическому знанию, принимаемому нами без доказательств, но, тем не менее, знанию обоснованному. Как это можно понять? Дело в том, что доказательство не тождественно обоснованию. Всякое доказательство есть обоснование, но не всякое обоснование является доказательством. Так, с точки зрения В. И. Свинцова, доказательство есть совершенная форма обоснования, а обоснование – это редуцированное, незавершенное доказательство [23, с. 168].

Действительно, доказательство – это логическая операция обоснования истинности какого-либо суждения с помощью других суждений, истинность которых является уже установленной. В доказательстве выделяют такие элементы, как тезис-суждение, которое необходимо доказать, аргументы-суждения, истинность которых уже доказана, и демонстрация-форма логической связи между аргументами и тезисом. Обоснование же может принимать форму аргументации, где наряду с логическими приемами используются эмоционально-психологические, лингвистические и иные не имеющие отношения к логике методы убеждения. К примеру, для того чтобы обосновать необходимость происхождения какого-либо исторического события, вовсе не обязательно объяснять логику исторического процесса, а достаточно сослаться на волю Господа Бога. В чем же, спросит читатель, состоит обоснование аксиом? В их ясности и очевидности. Обратимся к первому правилу Р. Декарта: «...Никогда не принимать за истинное ничего, что бы я не признал таковым с очевидностью...» [11, с. 260]. Но, согласитесь, принять за истинное знание на основе признания его таковым с очевидностью означает обосновать.

Второй его важнейшей характеристикой является *рациональность*. Напомним, что гносеологическое отношение к действительности имеет два уровня: уровень чувственного познания с его ощущениями, восприятиями и представлениями и рационального с его понятиями, суждениями и умозаключениями. Несмотря на то, что сущность любого знания определяется диалектическим единством чувственного и рационального, само «явление» знания происходит на рациональном уровне познания. Ни ощущения, ни восприятия, ни представления, ни даже понятия не могут быть носителями знания при условии, что мы рассматриваем последние как самостоятельные логические формы, не входящие в состав суждений. Единственной логической формой, в которой существует содержание знания, являются, на наш взгляд, суждения, ибо только суждения могут иметь такие логические характеристики, как «истина» и «ложь» (правильнее было бы сказать «заблуждение»). Д. Локк писал по этому поводу, что «познание, являющееся высшей ступенью мышления, состоит в восприятии истины утвердительных или отрицательных суждений» [15, с. 518]. При этом речь идет о суждениях как естественных, так и искусственных языков, ибо одно и то же суждение может быть выражено в разных языках и в разных знаковых формах. В качестве примера можно указать на язык логики предикатов.

Таким образом, всякое знание рационально. Если же мы особо выделяем научное знание, то его рациональность определяется, помимо вышесказанного, еще и тем, что это знание получено в соответствии с существующими идеалами, нормами, принципами, методами и образцами научно-познавательной деятельности, обеспечивающими ему объективную истинность.

Важнейшим элементом рациональности научного знания является его системность, которая придает этому знанию логически организованную форму.

Третьей важнейшей характеристикой знания является его *темпоральная граница*. Знание есть отражение существовавшего или существующего. Оно ограничено прошлым и насто-

ящим. Знание будущего невозможно, ибо ничего нельзя знать о том, чего нет. Например, мы знаем, что до своего столкновения в 1994 г. с Юпитером существовала комета Шумейкерова-Леви 9. Знание об этой комете есть знание о прошлом. Мы знаем, что существующий сегодня штамм коронавируса «Омикрон-SARS-COV-2» отличается большим числом мутаций в пепломерах, и это знание о настоящем. Но мы не знаем и не можем знать, какие небесные тела в ближайшем или отдаленном будущем столкнутся с Юпитером и какие штаммы коронавируса еще появятся или не появятся в процессе развития пандемии. Предмет наших рассуждений на эту тему выходит за границы всякого возможного знания в область мнения или веры.

Если говорить о философском или научном знании, то можно указать на его четвертую характеристику – *эссенциальную направленность*, то есть ориентацию на сущностную сторону объективной действительности, на познание законов природной, социальной и ментальной действительности.

Таковы, на наш взгляд, важнейшие характеристики знания как специфической формы субъективного отражения объективной действительности. Наличие этих характеристик определяет невозможность существования не только иррационального, паранаучного, лженаучного, антинаучного «знания», но даже «знания» художественного при условии, что мы определяем последнее как основанное «на образе, а не на понятии» [4, с. 24].

На наш взгляд, нельзя отнести к знанию и то, что М. Полани называет «личностным знанием». Безусловно, сам процесс получения знаний не может быть отделен от конкретной личности, от ее эмоций, переживаний, оценок, интуитивных прозрений, ее умений и навыков, жизненного опыта, ее установок, верований, убеждений и т. д. Однако полученный в этом процессе результат является intersubъективным, отчужденным от личности и выражает внеличностное, объективное содержание окружающей человека действительности.

Говоря о личностном знании как о «неоформленном» [19, с. 87] и о «невывразимом» [19, с. 129], М. Полани признает принципиальную «неспецифицируемость» личностного знания [19, с. 129]. Но согласитесь, то, что нельзя специфицировать как знание, нельзя и называть знанием.

С нашей точки зрения, реально существуют только три основных вида знания. Это знание обыденно-практическое, выраженное в естественном языке и описывающее практические действия человека, знание философское, выполняющее мировоззренческие и метанаучные функции и выраженное в языке философских категорий, и знание научное, позволяющее науке выполнять три ее важнейшие функции: описание, объяснение и предсказание – и выраженное в различных вариантах искусственного языка.

На наш взгляд, ошибочность и искусственность многих современных классификаций знания вытекает, во-первых, из непонимания отличия процесса познания от процесса духовно-практического освоения действительности, во-вторых, из неумения отличить знание от других форм субъективного отражения объективной действительности: мнения, веры, убеждения, оценки и т. д., а в-третьих (и это главное), из-за непонимания объективных оснований этой искусственности. Этими объективными основаниями являются, во-первых, процессуальная природа нашего знания, находящегося в непрекращающемся процессе развития, и, во-вторых, функционально связанная с этим вечным развитием его постоянная неполнота, незавершенность. Динамическая природа знания определяет в свою очередь «размытость» границ между истиной и заблуждением, между различными видами знания, между знанием и иными формами отражения: верой, мнением, убеждением, оценкой и т. д. «Научное знание, – пишет К. Р. Поппер, – не может быть ничем иным, как расширением обыденного знания» [20, с. 39]. Главная ценность любого знания заключается не в его относительно истинном содержании, а в имеющихся в нем возможностях его дальнейшего развития. «...Нам, – отмечает К. Р. Поппер, – нужна не просто истина, мы хотим иметь более глубокую и новую истину» [20, с. 347]. Но чтобы иметь новую и более глубокую истину в виде нового знания, недостаточно ресурсов одного только гносеологического отношения к действительности. Научные открытия, приводящие к появлению новых знаний, не определяются одной только рациональностью. «...Каждое открытие, – говорит К. Р. Поппер, – содержит “иррациональный элемент” или творческую интуицию в бергсоновском смысле» [20, с. 52]. Этот «иррациональный» элемент, по его мнению, является верой. «Рассматривая научное познание с психологической точки зрения, – пишет он, – я склонен думать, что научное открытие невозможно без веры... веры, совершенно не оправданной с точки зрения науки, и в этом отношении «метафизической» [20, с. 60].

Невозможность научных открытий и, следовательно, получения нового научного знания с помощью ресурсов одной только рациональности определяется, по нашему мнению, уже отмеченной незавершенностью развивающегося знания. Вера и является одним из важнейших компенсаторов этой незавершенности, «незаконченности» знания. В этом смысле нельзя не согласиться с Н. А. Бердяевым, который отмечал, что «в глубине знание и вера – одно, знание есть вера, вера есть знание» [5, с. 53]. Развивая эту мысль Н. А. Бердяева, с уверенностью можно говорить о подобном единстве знания и с другими формами субъективного отражения объективной действительности: мнением, убеждением, оценкой, пониманием и т. д., с которыми оно находится в отношении взаимокompенсации.

Органическое единство развивающегося знания с иными формами субъективного отражения объективной действительности, с одной стороны, является объективным препятствием на пути выделения его специфики, но, с другой стороны, позволяет нам подойти к новому пониманию его природы и, следовательно, к новому пониманию его специфики. И это новое понимание природы знания исходит из невозможности существования знания, выражаясь гегелевским языком «в-себе-и-для-себя», то есть отдельно от других форм отражения. Иными словами, в познании, органически включенном в процесс духовно-практического освоения объективной действительности, развивающееся знание существует не самостоятельно, а в составе особых формообразований, комплексов, представленных комбинациями самых различных форм субъективного отражения объективной действительности. Эти комплексы мы в предыдущих статьях назвали «метидами» в честь жены Зевса – древнегреческой богини знаний, разума и мудрости Метиды [21, с. 26; 22, с. 38]. Согласно нашей концепции, метидальность знаний определяется не только включенностью процесса познания в процесс духовно-практического освоения действительности, являясь конкретным воплощением их диалектического единства, но, безусловно, детерминирована органической целостностью духовной культуры человечества во всем многообразии ее форм [22, с. 38]. Говоря о метидальности знания, мы имеем в виду процесс непрерывного взаимоперехода последнего в иные формы субъективного отражения объективной действительности, процесс их «взаимокompенсации», ибо именно этот процесс, на наш взгляд, наилучшим образом не только иллюстрирует природу развивающегося знания, но и «приоткрывает врата» перед «таинством» научных открытий и даже научных революций. Так, революция в астрономии, произведенная Н. Коперником, определялась существующими в то время астрономическими знаниями и их синтезом с представлениями и верованиями, не имеющими к этим знаниям никакого отношения. Таковы, например, порой весьма фантастические и чисто умозрительные понятия о формах Земли, представленные в древнегреческой космологии от Анаксимандра до Платона и Аристотеля, или пифагорейские идеи гармонии и красоты Космоса, с одной стороны, сыгравшие важную роль в становлении коперниканского гелиоцентризма, а с другой стороны, определившие его фундаментальные ошибки, касающиеся формы орбит Земли и планет относительно Солнца. (*Общеизвестно, что в системе Н. Коперника орбиты не эллиптические, а идеально круговые. Дело в том, что круг «красивее» эллипса.*)

Метидальность знания, являясь его важнейшей характеристикой, не открывает нам его специфики. Она является той универсальной основой, которая объединяет знание с любыми формами субъективного отражения объективной действительности, так как в равной степени относится к каждой из них, но именно она «высвечивает» тот аспект сущности знания, который является следствием его единства с другими формами субъективного отражения объективной действительности, определяемого, в свою очередь, диалектическим единством познавательного, ценностно-оценочного и предметно-практического отношения к миру.

Таковы, на наш взгляд, основные особенности знания как специфической формы субъективного отражения объективной действительности.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1 / под ред. В. Ф. Асмуса. М. : Мысль, 1976. 550 с.
2. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 2 / под ред. З. Н. Микеладзе. М. : Мысль, 1978. 687 с.
3. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4 / под ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1984. 830 с.
4. Баранов П. А. Обществознание : новый полный справочник для подготовки к ЕГЭ / под ред. П. А. Баранова [и др.]. М. : АСТ, 2018. 542 с.
5. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М. : Правда, 1989. 608 с.
6. Беркли Д. Сочинения / под ред. И. С. Нарского. М. : Мысль, 1978. 556 с.

7. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 2 / под ред. А. Л. Субботина. М. : Мысль, 1978. 575 с.
8. Гегель Г. В. Ф. Философия религии : в 2 т. Т. 1 / под ред. А. В. Гулыги. М. : Мысль, 1976. 532 с.
9. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. Т. 1. Наука логики / под ред. Е. П. Ситковского [и др.]. М. : Мысль, 1974. 452 с.
10. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. Т. 3: Философия духа / под ред. Е. П. Ситковского [и др.]. М. : Мысль, 1977. 471 с.
11. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. Т. 1 / под ред. В. В. Соколова. М. : Мысль, 1989. 654 с.
12. Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / под ред. А. Ф. Лосева. М. : Мысль, 1979. 620 с.
13. Ламетри Ж. О. Сочинения / под ред. В. М. Богуславского. М. : Мысль, 1983. 509 с.
14. Лейбниц Г. В. Сочинения : в 4 т. Т. 3 / под ред. Г. Г. Майорова [и др.]. М. : Мысль, 1984. 734 с.
15. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. Л. Субботина. М. : Мысль, 1985. 621 с.
16. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 2 / под ред. М. Б. Митина. М. : Мысль, 1985. 560 с.
17. Кузанский Н. Сочинения : в 2 т. Т. 1 / под ред. З. Ф. Тажуризиной. М. : Мысль, 1979. 448 с.
18. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1 / под ред. А. Ф. Лосева. М. : Мысль, 1990. 860 с.
19. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М. : Прогресс, 1985. 344 с.
20. Поппер К. Р. Логика и рост научного знания. М. : Прогресс, 1983. 604 с.
21. Романов П. А. Понимание как специфическая форма субъективного отражения объективной действительности // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 7. С. 20–27.
22. Романов П. А. Рациональность как метидальность // Вестник Вятского государственного университета. 2021. № 3. С. 33–40.
23. Свинцов В. И. К вопросу о соотношении понятий аргументация, доказательство, обоснование // Философские проблемы аргументации. Ереван, 1986. С. 161–172.
24. Секст Эмпирик. Сочинения : в 2 т. Т. 1 / под ред. А. Ф. Лосева. М. : Мысль, 1976. 399 с.
25. Уайтхед А. Избранные работы по философии / под ред. М. А. Кисселя. М. : Прогресс, 1990. 717 с.
26. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева [и др.]. М. : Сов. энцикл., 1983. 840 с.
27. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения : в 2 т. Т. 1 / под ред. А. В. Гулыги. М. : Мысль, 1987. 637 с.
28. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения : в 2 т. Т. 2 / под ред. А. В. Гулыги. М. : Мысль, 1989. 636 с.

Knowledge as a specific form of subjective reflection of Objective Reality

P. A. Romanov

PhD in Philosophical Sciences, associate professor, Mari State University.
Russia, Yoshkar-Ola. ORCID: 0000-0002-1189-9686. E-mail: pavel.rmnv@gmail.com

Abstract. It is hardly necessary to explain the value of knowledge, especially the value of scientific knowledge, for the modern spiritual and material culture of human society. From the epoch of "Axial Time" to the present day, this problem reveals various variants of philosophical, and subsequently philosophical-scientific explanation. The actualization of the problem of knowledge was facilitated by not always successful attempts to isolate its types and build its various classifications.

The purpose of this article is to attempt to explain the true nature of knowledge.

The subject of the research is the phenomenon of knowledge, comprehended in the context of spiritual and practical development of objective reality by a person.

The author pays the main attention to the following conceptual points in the work: 1. From the author's point of view, some variants of the modern understanding of knowledge are unacceptably erroneous. In his opinion, there is no knowledge of paranientific, pseudoscientific, anti-scientific, irrational. 2. Absolutely any knowledge is rational already because the only logical form in which the content of knowledge exists is judgment. If we are talking about scientific rationality, then the latter is also characterized by its most important element, such as consistency, as well as compliance of scientific and cognitive activity with generally accepted norms, patterns, ideals, principles and methods of this activity, providing objective truth to scientific knowledge. 3. In addition to rationality, all knowledge is characterized by truth, reliability, temporal boundary, and scientific knowledge is also an essential orientation. 4. The most important characteristic of developing knowledge that unites it with all other forms of subjective reflection of objective reality is metiality, by which the author understands the characteristic of knowledge that is in inseparable dialectical unity with faith, opinion, conviction, evaluation and other forms of subjective reflection of objective reality.

The obtained results of the conducted research can be used in the process of teaching courses of philosophy and philosophy and methodology of science.

Keywords: knowledge, faith, truth, reliability, rationality, metida, metitality.

References

1. Aristotle. *Sochineniya : v 4 t. T. 1* [Writings : in 4 vols. Vol. 1] / ed. by V. F. Asmus. M. Mysl' (Thought). 1976. 550 p.
2. Aristotle. *Sochineniya : v 4 t. T. 2* [Writings : in 4 vols. Vol. 2] / ed. by Z. N. Mikeladze. M. Mysl' (Thought). 1978. 687 p.
3. Aristotle. *Sochineniya : v 4 t. T.4* [Writings : in 4 vols. Vol. 4] / ed. by A. I. Dovatura. M. Mysl' (Thought). 1984. 830 p.
4. Baranov P. A. *Obshchestvoznaniye : novyj polnyj spravochnik dlya podgotovki k EGE* [Social studies : a new complete guide for preparing for the Unified State Exam] / ed. by P. A. Baranov [et al.]. M. AST. 2018. 542 p.
5. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of freedom. The meaning of creativity]. M. Pravda (Truth). 1989. 608 p.
6. Berkeley D. *Sochineniya* [Writings] / ed. by I. S. Narsky. M. Mysl' (Thought). 1978. 556 p.
7. Bacon F. *Sochineniya : v 2 t. T. 2* [Writings : in 2 vols. Vol. 2] / ed. by A. L. Subbotin. M. Mysl' (Thought). 1978. 575 p.
8. Hegel G. V. F. *Filosofiya religii : v 2 t. T. 1* [Philosophy of religion : in 2 vols. Vol. 1] / ed. by A. V. Gulyga. M. Mysl' (Thought). 1976. 532 p.
9. Hegel G. V. F. *Enciklopediya filosofskih nauk : v 3 t. T. 1. Nauka logiki* [Encyclopedia of Philosophical Sciences : in 3 vols. Vol. 1. Science of Logic] / ed. by E. P. Sitkovsky [et al.]. M. Mysl' (Thought). 1974. 452 p.
10. Hegel G. V. F. *Enciklopediya filosofskih nauk : v 3 t. T. 3: Filosofiya duha* [Encyclopedia of Philosophical Sciences : in 3 vols. Vol. 3: Philosophy of the Spirit] / ed. by E. P. Sitkovsky [et al.]. M. Mysl' (Thought). 1977. 471 p.
11. Descartes R. *Sochineniya : v 2 t. T. 1* [Writings : in 2 vols. Vol. 1] / ed. by V. V. Sokolov. M. Mysl' (Thought). 1989. 654 p.
12. Diogenes. *Laertius O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenityh filosofov* [On the life, teachings and sayings of famous philosophers] / ed. by A. F. Losev. M. Mysl' (Thought). 1979. 620 p.
13. Lametri J. O. *Sochineniya* [Writings] / ed. by V. M. Boguslavsky. M. Mysl' (Thought). 1983. 509 p.
14. Leibniz G. V. *Sochineniya : v 4 t. T. 3* [Writings : in 4 vols. Vol. 3] / ed. by G. G. Mayorov [et al.]. M. Mysl' (Thought). 1984. 734 p.
15. Locke J. *Sochineniya : v 3 t. T. 1* [Writings : in 3 vols. Vol. 1] / ed. by A. L. Subbotin. M. Mysl' (Thought). 1985. 621 p.
16. Locke J. *Sochineniya : v 3 t. T. 2* [Writings : in 3 vols. Vol. 2] / ed. by M. B. Mitin. M. Mysl' (Thought). 1985. 560 p.
17. Kuzanskij N. *Sochineniya : v 2 t. T. 1* [Writings : in 2 vols. Vol. 1] / ed. by Z. F. Tazhurizina. M. Mysl' (Thought). 1979. 448 p.
18. Plato. *Sobranie sochinenij : v 4 t. T. 1* [Collected works : in 4 vols. Vol. 1] / ed. by A. F. Losev. M. Mysl' (Thought). 1990. 860 p.
19. Polani M. *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoj filosofii* [Personal knowledge. On the way to post-critical philosophy]. M. Progress. 1985. 344 p.
20. Popper K. R. *Logika i rost nauchnogo znaniya* [Logic and the growth of scientific knowledge]. M. Progress. 1983. 604 p.
21. Romanov P. A. *Ponimaniye kak specificheskaya forma sub'ektivnogo otrazheniya ob'ektivnoj dejstvitel'nosti* [Understanding as a specific form of subjective reflection of objective reality] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Vyatka State University. 2017. No. 7. Pp. 20–27.
22. Romanov P. A. *Racional'nost' kak metidal'nost'* [Rationality as metiality] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Vyatka State University. 2021. No. 3. Pp. 33–40.
23. Svincov V. I. *K voprosu o sootnoshenii ponyatij argumentaciya, dokazatel'stvo, obosnovanie* [On the question of the correlation of concepts argumentation, proof, justification] // *Filosofskie problemy argumentacii* – Philosophical problems of argumentation. Yerevan. 1986. Pp. 161–172.
24. Sextus Empiricus. *Sochineniya : v 2 t. T. 1* [Writings : in 2 vols. Vol. 1] / ed. by A. F. Losev. M. Mysl' (Thought). 1976. 399 p.
25. Whitehead A. *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected works on philosophy] / ed. by M. A. Kissel. M. Progress. 1990. 717 p.
26. *Filosofskij enciklopedicheskij slovar'* – Philosophical encyclopedic dictionary / ed. by L. F. Ilyichev [et al.]. M. Sov. encyl. 1983. 840 p.
27. Schelling F. V. Y. *Sochineniya : v 2 t. T. 1* [Writings : in 2 vols. Vol. 1] / ed. by A.V. Gulygi. M. Mysl' (Thought). 1987. 637 p.
28. Schelling F. V. Y. *Sochineniya : v 2 t. T. 2* [Writings : in 2 vols. Vol. 2] / ed. by A.V. Gulygi. M. Mysl' (Thought). 1989. 636 p.